

На правах рукописи

Садырин Антон Алексеевич

Создание и использование мигрантами из Центральной Азии городской и пригородной инфраструктуры (на примере г. Томска)

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Томск – 2024

(оборотная сторона обложки)

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель (консультант) доктор исторических наук, доцент, Нам Ираида Владимировна

Официальные оппоненты:

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, доцент, Государственное бюджетное учреждение «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан», отдел этнологических исследований, ведущий научный сотрудник

Савин Игорь Сергеевич, кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, «Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья», старший научный сотрудник

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», исторический факультет, кафедра этнологии

Защита состоится _____ на заседании диссертационного совета Д 002. 117.ХХ (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru

Автореферат разослан _____
(дата)

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук _____ О.Б. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Миграция была присуща человеку во все времена его существования. С усложнением социальных отношений видоизменялись и причины миграции. Войны, работорговля, развитие скотоводства, актуализация «внешней» торговли, колониальные завоевания и т.п. влияли на характер и рост человеческих мобильностей. Со временем человеческая миграция усложняла принимающие общества, конструировала вновь возникающие сообщества (этнические, культурные, политические и др.) – под ее влиянием стало происходить преобразование пространственных социальных отношений. Появление национальных государств, введенная на законодательном уровне гражданская принадлежность к конкретной стране сделали видимым мигранта не только в силу языковых или этнических отличий, но и политических. Мигранты стали неотъемлемой частью многих экономически развитых держав. Это сделало особо острыми вопросы планирования, развития и реализации национальных и миграционных политик. Отсюда явной стала важность изучения мигрантов, как особой группы в границах современного города, для понимания закономерностей и особенностей процессов адаптации и интеграции в конкретном историческом контексте.

Россия как иммиграционная страна, то есть как страна, для которой приток иностранной рабочей силы становится принципиально важным по демографическим и экономическим причинам, складывается с рубежа 1990-х – 2000-х гг. Специфика России как иммиграционной страны состоит в превалировании миграции из постсоветских государств. Этническая видимость, слабое владение русским языком, культурная отличимость постсоветских мигрантов усиливали межэтнические противоречия, рождая новые стереотипы по отношению к приезжим. Миграционные процессы стали одним из ключевых факторов, создающих новые вызовы для формирования и реализации национальной, а также миграционной политики нашего государства.

Россия, как и ряд других государств, принимающих мигрантов, сталкивается с проблемами «кадрового голода» в самых разных профессиональных областях. В такой ситуации изучение мигрантов и городской среды в России становится одной

из ключевых исследовательских задач, а этнография, ориентированная на изучение повседневных (взаимо)действий мигрантов, оказывается наиболее подходящим методом исследований. Предлагаемое в данной работе изучение городской инфраструктуры, созданной и/или используемой трудовыми мигрантами, способствует выявлению точек и степени интенсивности взаимодействия мигрантов с разными акторами, влияющими на аспекты интеграции, прежде всего с разными группами принимающего общества. И позволяет получить понимание того, как может и должна выстраиваться федеральная и региональная политика в сфере адаптации и интеграции мигрантов в современной России.

Степень разработанности темы исследования.

Человеческая миграция крайне многогранное явление, анализируемое во множестве научных плоскостей. Это делает миграционные исследования междисциплинарным «полем», куда входят социокультурная антропология, история, экономика, этносоциология, этнополитология, городская география, демография и др. Специфика и масштаб постсоветских миграций актуализировали научные дискуссии и исследования в области миграционной политики, этничности, феномена диаспоры, межэтнических отношений и конфликтов (и в целом взаимодействия «пришлых» и «местных»), влияния мобильностей на социально-демографические показатели и т.п.

Значительный вклад, позволивший включить проблемы постсоветской миграции в академическое русло, внесли демографы (А.Г. Вишневский, М.Б. Денисенко, Л.Л. Рыбаковский, О.Л. Рыбаковский, С.В. Захаров и др.)¹. Это повлияло на развитие исследований миграции, направленных преимущественно на изучение миграционных процессов в контексте регулирования миграции, роли миграции в преодолении депопуляции населения России, а также роли трудовой миграции в развитии экономики России (С.В. Рязанцев, Ш.Ю. Акрамов)².

¹ Вишневский А. Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 90–97; Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2 (51). С. 16–26; Захаров С. В. Демография и миграция // Стратегия России. 2007. № 1. С. 33–35; Денисенко М. Б., Чернина Е. М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.

² Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Иностранцы трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике // Экономика и управление: проблемы и решения. 2015. № 4. С. 21–29; Рязанцев

Подъем демографических исследований в России обусловил преобладание работ с использованием количественных методов. «Качественный перелом» в исследованиях постсоветской миграции во многом случился благодаря социологам, использующим этнографический метод в своих «полях» (О. Бредникова, О. Паченков, О. Ткач)³. Параллельно осваивать миграционную проблематику начинают этнологи и антропологи. Ведущая роль принадлежит Институту этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН). Важный акцент в исследованиях делается на изучении взаимодействия «местного» населения и трудовых мигрантов (В.А. Тишков, И.А. Субботина, Л.В. Остапенко, И.С. Савин, Н.П. Космарская)⁴. Оценивается и политика культурной интеграции приезжих в контексте возможных интеракций «местных» и мигрантов для разработки эффективных инструментов российской миграционной политики, т.к. интеграция мигрантов не ограничивается исключительно социальными или экономическими аспектами (М.Ю. Мартынова, И.С. Савин, Т.С. Каландаров)⁵. Актуальным в контексте трудовой миграции стал этнологический взгляд на проблему возникновения потенциальных межэтнических конфликтов. Миграционная проблематика является одной из ведущих в рамках реализуемого на базе ИЭА РАН этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов на постсоветском пространстве.

Миграция серьезно повлияла на ее концептуальное осмысление. Стали важными дискуссии, связанные с необходимостью применения этнической парадигмы при анализе миграции и мигрантов, а также с «транснациональным поворотом» в отношении человеческих мобильностей, заявляющим, что миграция

С.В., Акрамов Ш.Ю. Трудовые мигранты: репродуктивное здоровье и вклад в российскую рождаемость // Человек и закон. 2014. № 3. С. 42–50.

³ Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 2. № 3. С. 74–81; Бредникова О., Ткач О. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–152.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М., 2007. 350 с.; Космарская Н.П., Пешкова В.М. Савин И.С. Москва – город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 248–271

⁵ Мартынова М.Ю. Миграции в России: опыт культурной интеграции через повседневные услуги // Вестник российской нации. 2018. № 2(60). С. 114–127; Савин И.С. Практики локальной интеграции разнородных сообществ как поле для экспериментов (на примере Москвы) // Вестник антропологии. 2019. № 1(45). С. 54–66; Каландаров Т.С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия // Вестник антропологии. 2019. № 4. С. 169–177; Каландаров Т.С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 82–91.

перестала быть однонаправленным процессом с обязательным конечным пунктом в стране приема (В.А. Тишков, Е.И. Филиппова)⁶.

Постсоветская миграция является важным объектом исследований и в Томске. Изучаются проблемы адаптации и интеграции трудовых мигрантов в сибирском университетском городе, их взаимодействие с городской средой (И.В. Нам, И.Г. Поправко, В.В. Кашпур, С.Д. Джанызакова, Д.В. Брызгина, А.А. Садырин, Ф.А. Сметанин)⁷, образовательная миграция (Е.Ю. Кошелева)⁸.

Предмет диссертационного исследования актуализируется в работах как зарубежных авторов, работающих в рамках изучения связи между городским/пригородным пространством и социально-экономической интеграцией мигрантов, так и российских исследователей социально-экономических интеграционных практик трудовых мигрантов в процессе взаимодействия с городским и/или пригородным пространством.

В США и Канаде эта тема изучается через вопросы сегрегации, что связано со сложившейся на протяжении столетий истории изоляции этнических меньшинств в городе. В большей мере такие исследования затрагивают темы, связанные с функционированием «этнических» кварталов (неформальная экономика, социальная и экономическая изоляция сообществ внутри кварталов и т.п.). Подобные исследования проводились Р. Werbner, I. Studer, H. Valenzuela-Garcia, J. Yinger, M. Zhou, H. Kaplan и др.⁹. Европейская история миграции не столь продолжительна. Европейские города и пригороды менее изолированы, чем города

⁶ Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Нужна ли этническая парадигма при осмыслении культурного многообразия // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 181–186; Филиппова Е.И. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности : [сборник]. М., 2016. С. 305–321; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.

⁷ Нам И.В., Кашпур В.В., Поправко И.Г. Трудовые мигранты в Томской области: проблемы адаптации и отношений с принимающим обществом // Поликультурное и этнокультурное образование в Томской области: опыт, практики преподавания, перспективы развития : [сборник]. Томск, 2012. С. 94–106; Джанызакова С.Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 188–195; Брызгина Д.Е., Джанызакова С.Д., Нам И.В., Садырин А.А., Сметанин Ф.А. // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 31–52; Сметанин Ф.А. Мусульманские сообщества и диаспоры как фактор интеграции мигрантов (пример Томска) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 161–165.

⁸ Кошелева Е.Ю., Кикенина Ю.А. Трансформация учебных практик китайских студентов российского университета // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 2. С. 10.

⁹ Werbner P. The migration process. Capital, gifts and offerings among British Pakistanis. New York, 1990. 412 p; Studer I. Self-employed Turkish speaking women in London – Opportunities and constraints within and beyond the ethnic economy // International Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2003. Vol. 4. № 3. P. 185–195; Valenzuela-Garcia H., Parella S., Guell B. Revisiting ‘ethnic enclave economy’: resilient adaptation of small businesses in times of crisis in Spain // International Journal of Anthropology and Ethnology. 2017. № 5. P. 1–13.

и пригороды Америки. Кроме того, существует ряд исследований о включении мигрантов в городские и пригородные пространства в Великобритании (С. Peach, R. Johnston, J. Forrest, M. Poulsen), Германии (К. Schönwälder, S. Janina), Голландии (S. Musterd, W. Ostendorf), Португалии (J.M. Malheiros, F. Vala).

В России исследования, направленные на изучение мигрантов в городе и их социально-экономической интеграции, проводились в Москве О.И. Вендиной, Е.Б. Деминцевой, В.М. Пешковой, Е.В. Варшавером и др.¹⁰. Эти исследования продемонстрировали, что нельзя категорически утверждать о складывании в этом городе «этнических» кварталов/районов в силу специфики его социальной структуры. Москва была и остается социально смешанной, несмотря на условную «престижность» одних районов, по сравнению с другими. Вследствие отсутствия привязки к какому-то району/районам Москвы, у мигрантов не складывается сообществ, крепко связанных с какой-то конкретной территорией. Наличие больших массивов социального жилья, построенного в советские годы, и существование до сегодняшнего времени коммунальных квартир в центре, предоставляет мигрантам возможность выбора места проживания. В.М. Пешковой удалось выделить в Москве наиболее развитые институции «мигрантской» инфраструктуры в виде «этнических» кафе, посреднических фирм (агентства недвижимости, оформления документов, а также микрокредитные организации). В ее исследовании рассматривается инфраструктура, изначально создаваемая мигрантами для мигрантов, однако, данный факт не является индикатором, который говорит об изоляции приезжих. Трудовые мигранты параллельно осваивают общегородскую инфраструктуру (например, парки, торговые и развлекательные центры, аптеки, офисы мобильных операторов и т.д.).

Социологи Е. Варшавер и А. Рочева выделили и проанализировали места резидентной концентрации мигрантов в Москве, которые формируются благодаря рынкам – крупным кластерам мигрантских рабочих мест. Рынок влияет на

¹⁰ Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 52–64; Demintseva E. Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43(15). 2556–2572; Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого. [Б.м.], 2022. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата обращения: 23.01.2022); Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 19. С. 225–253.

выстраивание вокруг него определенной инфраструктуры, позволяющей определять некоторые локации в городском пространстве как те, в которых мигрантов проживает больше.

Н.С. Мухаметшина, С.П. Кандауров, Н.В. Явкин подошли к анализу «мигрантской» инфраструктуры в Самаре через призму концепции «кластера»¹¹. В «мигрантский кластер» включены объекты городского хозяйства, где наиболее активно используется труд мигрантов, примыкающие к ним жилые кварталы, в которых относительно высок удельный вес мигрантского населения, объекты инфраструктуры, которые наряду с местным населением обслуживают мигрантов. «Кластеры» формируются стихийно, в силу как объективных обстоятельств (*близость к работе, более доступное для аренды либо приобретения в собственность жилье*), так и субъективных факторов (*стремление селиться и работать рядом со «своими»*). «Кластеры» не имеют четких культурных маркеров, поскольку в ареале одного «кластера» могут быть сосредоточены представители различных этнических групп. Идеей «кластеров» пользуется В.И. Дятлов¹², анализирующий «этнические» рынки под открытым небом в Иркутске. По его мнению, такие локации становятся местами взаимного привыкания людей различных культур, а вокруг рынков образуется «мигрантская» инфраструктура в силу того, что там зачастую предпочитают селиться приезжие. В совокупности все это формирует этнический «кластер».

Присутствие мигрантов в городе в контексте возможного наличия анклавов (*в случае Иркутска – «чайнатаунов»*) изучали В.И. Дятлов, К.В. Григоричев¹³. По их мнению, риторика анклавизации мигрантов вызвана сильным символическим значением феномена чайнатауна. Чайнатауны живут лишь в массовом сознании посредством актуализации данной риторики в СМИ, цифровом пространстве и властном дискурсе.

¹¹ Мухаметшина Н.С. «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 638–642.

¹² Дятлов В.И. Миграционные процессы и проблема этнических кластеров в современной России // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XIX–XXI веках: опыт и перспективы : [сборник]. Красноярск, 2017. С. 10–14.

¹³ Дятлов В.И., Григоричев К.В. Введение. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. 2013. Иркутск, С. 6–35.

В Санкт-Петербурге, используя метод глубинного интервью и ментальных карт, А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицин¹⁴ изучали сообщество женщин-транснациональных мигрантов из Таджикистана и Узбекистана. Исследователями были выявлены и сравнены сходства и различия в освоении городского пространства в стране исхода и в «Северной столице» России.

Е.Б. Бедриной¹⁵ в результате проведенного исследования в Екатеринбурге были обнаружены этнически однородные замкнутые локальности – анклав. В основе причин складывания этнических кварталов видится приоритет родственных связей в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии, сетевой характер миграции, а также сохранение «своего» уклада жизни, противоречащего интересам местного населения.

Особо важный вклад в изучение присутствия приезжих в сибирской субурбии внёс К.В. Григоричев¹⁶. На основе результатов наблюдения и интервью исследователь пришел к выводу о том, что транснациональные мигранты довольно плотно включены в формирующееся пригородное пространство, обладают агентностью, достаточно высоко адаптированы, не используют ассимиляционный сценарий, а имеющаяся культурная дистанция не обособляет мигрантов и не приводит к складыванию анклавов-«чайнатаунов».

В.С. Малахов¹⁷ в произведенном им в 2020 г обзоре актуальных работ российских ученых (социальных антропологов, социологов, историков, географов), занимающихся проблемой влияния миграционных процессов на изменения городской среды, пришел к выводу, что в части российских миграционных исследований произошел отход от этноцентризма в результате смены аналитической оптики, часть российских исследований миграции до сих пор тяготеет к эссенциалистским позициям, в каких-то конструктивистская риторика

¹⁴ Резаев А., Степанов А., Лисицин П. Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. №2. С. 254–275.

¹⁵ Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451–464.

¹⁶ Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. 2010. №2. С. 261–282; Григоричев К. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. №4. С. 14–31.

¹⁷ Малахов В.С. От общества к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 561–576.

является лишь данью моде, но, что важно, тренд от «сообществ» к «пространству» в российской миграциологии постепенно пробивает себе дорогу.

На фоне участия представителей разных дисциплин в изучении взаимовлияния городских и миграционных процессов вклад антропологов остается скромным. Антропологические исследования организации пространства городов, пригородов и жилья, инфраструктуры, в контексте которых разворачивается повседневная жизнь мигрантов, привычных способов реализации их бытовых потребностей, форм повседневного взаимодействия с иными сообществами, пока немногочисленны. В связи с этим, этнографическое описание и интерпретация практик создания и/или использования городской и пригородной инфраструктуры транснациональными мигрантами из стран Центральной Азии в России может дать важный материал для понимания их вхождения в повседневную жизнь мигранта в контексте социально-экономической интеграции.

Объектом исследования в данной диссертации выступает городская и пригородная инфраструктура Томска, маркируемая как «мигрантская». Под «*мигрантской*» инфраструктурой понимаются создаваемые и/или используемые трудовыми мигрантами из Центральной Азии городские и пригородные локальности, основными потребителями которых также являются мигранты. «*Мигрантская*» инфраструктура – это прежде всего то, что сами мигранты в ходе исследования определяют как «мигрантские» места.

Предметом исследования являются практики создания и/или использования данной инфраструктуры транснациональными трудовыми мигрантами из Центральной Азии.

Целью диссертационного исследования является этнографическое описание и анализ практик и механизмов создания и/или использования инфраструктуры города и пригородов транснациональными трудовыми мигрантами из Центральной Азии в процессах социально-экономической интеграции в принимающее общество.

Достижение поставленной цели осуществляется решением следующих задач:

1. раскрыть содержание основных теорий и подходов, выбранных автором диссертационного исследования по отношению к избранному научному предмету;

2. выделить и охарактеризовать особенности исторического контекста миграционных процессов и вызываемых ими трансформаций городских пространств в России и в Томской области в 1990-2020 гг.;

3. определить и охарактеризовать основные риски и преимущества (включая этические и методологические) работы антрополога в «мигрантском» поле;

4. выявить, насыщенно описать и типизировать основные элементы городской и пригородной инфраструктуры Томска, создаваемой и/или используемой мигрантами;

5. проанализировать особенности выявленной инфраструктуры и определить возможные «принципы» расселения мигрантов в Томске;

6. определить роль элементов городской и пригородной инфраструктуры в социально-экономической интеграции мигрантов из Центральной Азии в Томске.

Хронологические рамки диссертационного исследования в широком смысле включают первое десятилетие XXI в. (2000-2020 гг.). С рубежа 1990-2000-х гг. Россия становится иммиграционной страной, для которой приток иностранной рабочей силы имеет важное значение по демографическим и экономическим причинам. В течение этих лет формируется структура трудовой миграции в Россию, определяются ее основные потоки в социально-экономическом и демографическом отношении, в том числе этническом, гендерном и возрастном. Верхняя граница исследования определяется, во-первых, завершением полевого этапа исследования (2018-2020 гг.), а во-вторых, началом эпохи «неопределенности», начало которой было положено пандемией 2020-2022 гг.

Территориальные рамки исследования включают г. Томск и один из его фактических пригородов – Томский район. На протяжении продолжающегося XXI в. Томск вслед за другими крупными городами России является городом, демонстрирующим скачкообразный рост трудовой транснациональной миграции, основными представителями которой являются выходцы из Центральной Азии. Томск также достаточно крупный сибирский город, что в значительной мере

отражается на его привлекательности для трудовых мигрантов. Помимо этого, географическая близость к государствам Центральной Азии также является притягивающим фактором в привлечении мигрантов. Специфика выбранного для исследования города в качестве основной территориальной единицы заключается и в значительной транснациональной образовательной миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья. Транснациональные и транслокальные студенты в силу своего социального статуса зачастую нуждаются в специфической городской инфраструктуре (*к примеру, заведения быстрого питания эконом-класса, создаваемые трудовыми мигрантами*), что также выделяет Томск и его пригороды в качестве выбранной для исследования территории.

Исследуемое пригородное пространство ограничилось отдельными локальностями Томского района. В территориальные рамки были включены следующие населенные пункты: д. Кисловка (включая микрорайон «Северный Парк»), д. Черная Речка, с. Тахтамышево, с. Кафтанчиково, п. Зональная станция (включая микрорайон «Южные ворота»), пос. Светлый. Выбор данной территории прежде всего обусловлен близостью к Томску. В таком случае в рамках данного исследования мы имели дело не с классической пригородной зоной, представленной исключительно одноэтажной застройкой, во многом формирующей особый характер взаимодействия между пригородчанами, а с разрастающейся городской периферией.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование опирается на важнейшие общенаучные принципы познания: объективность, системность, историзм. Междисциплинарный подход, основывающийся на использовании положений, применяемых в социальной и социокультурной антропологии, а также в истории, социологии, политологии и других общественных науках, позволяет рассматривать «мигрантскую» инфраструктуру как динамично развивающийся и меняющийся элемент российского городского пространства, создаваемый и/или используемый трудовыми мигрантами из Центральной Азии.

Помимо применения в диссертационной работе традиционных для такого рода исследований общенаучных методов, которые, как правило, делятся на общие

логические приемы (описание, наблюдение) и методы теоретического исследования (методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы), автор использует специальный исторический метод и метод этнографии. Специальный исторический метод представлен в диссертации историко-системным методом. Данный метод позволяет выделить из общей системы отдельные подсистемы для их последующего углубленного анализа. В таком случае постсоветский город рассматривается как система более крупного порядка, состоящая из определенных подсистем, представленных сообществами горожан. К одному из социокультурных сообществ, влияющих на развитие и трансформацию городской постсоветской среды, могут быть отнесены трудовые транснациональные мигранты, как активные создатели и/или пользователи инфраструктуры города. Метод этнографии в диссертационной работе понимается как совокупность методологических подходов (*глубинные интервью, участвующее наблюдение*) и способ презентации данных. Стоит отметить, что метод этнографии прочно связан с применяемой в работе качественной методологией интерпретивизма.

В основу исследования положен *социокультурный подход*. Сущность данного подхода состоит в том, что социальность и культура едины, а формируются они в результате человеческой деятельности. Трудовых мигрантов из Центральной Азии в Томске и его пригородах в таком случае можно рассматривать в качестве отдельной социальной группы (самостоятельного социокультурного субъекта) со своими культурными установками, влияющей на общественное развитие посредством взаимодействия с инфраструктурой постсоветского города/принимающего общества.

В качестве особых аналитических подходов, позволяющих интерпретировать полевой этнографический материал, являющийся частью источниковой базы в данном исследовании, выступают *интеграционная теория* и теория *транснационализма*. Наиболее подходящей моделью объяснения расселения мигрантов в Томске и его пригородах, а также социально-экономической интеграции через практики взаимодействия с городской и пригородной инфраструктурой явилась *модель гетеролокализма*. Данная теория допускает

дисперсное, а не компактное (*этнически однородное*) расселение мигрантов в городском и пригородном пространстве при одновременном сохранении прочных связей внутри этнического сообщества или сети. Это становится возможным при использовании с конца XX в. новых технологий – интернета, телефона и др.

Диссертационная работа основана на качественной методологии, (*глубинные интервью, наблюдение, включая участвующее*). Помимо этого, одним из важных принципов современных исследований, направленных на изучение сообществ, является этнографический подход.

Источники. Диссертационное исследование основано на использовании комплекса источников, разделенных на три видовые группы:

1) Полевые этнографические материалы, собранные автором в период с 2018 по 2020 гг. (наблюдение и интервью).

2) Источники, определяющие концептуально-правовые основы миграционной политики Российской Федерации (Федеральные законы и Указы Президента Российской Федерации)

3) Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области (Томстат).

Основу исследования составили полевые этнографические материалы автора (ПМА). Было взято 40 *интервью* у трудовых транснациональных мигрантов из Центральной Азии в Томске. Количество интервью с мужчинами равно 30, с женщинами – 10. Это соответствует общей логике гендерного распределения мигрантов в Томске. В пригородах Томска было проведено также 30 бесед с представителями местного общества. Важным источником являются данные *анкетного опроса* трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Всего было опрошено 300 мигрантов из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана по случайной выборке, по 100 человек в каждом из трех районов Томска. Все полевые материалы хранятся в личном архиве автора.

Анализ социально-экономической интеграции трудовых мигрантов в городское и пригородное пространство Томска потребовал обращения к федеральному законодательству и нормативным документам, а также к

документам, концептуализирующим национальную и миграционную политику государства.

Важным источником информации для описания исторического, государственного и регионального миграционных контекстов по отношению к исследуемой группе мигрантов послужили: а) данные всероссийских переписей населения (ВПН) 2002, 2010 и 2022 (21) гг. о численности и национальном составе населения Томской области; б) находящиеся в свободном доступе статистические данные, отражающие динамику демографических и миграционных процессов в России и Томской области. Использовались в работе и вторичные данные, интерпретируемые специалистами.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые:

1) Систематизированы и описаны подходы к исследованию взаимодействия мигрантских практик и городских инфраструктур.

2) Проведены анализ и описание траекторий социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в сибирском городе (на примере Томска) с применением междисциплинарной методологии и методов.

3) Показано, как мигранты встраиваются в экономику и социальные связи в сибирском постсоветском городе и его пригородах в контексте взаимодействия с местным обществом в обнаруженных автором инфраструктурных точках.

4) В научный оборот введены новые данные о практиках создания и (или) использования (способах приватизации) транснациональными мигрантами инфраструктур в городских и пригородных пространствах.

5) Сделан вывод о том, что Томск не рассматривается трудовыми мигрантами в качестве конечной точки их миграционных историй.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы обусловлена концептуализацией «мигрантской» инфраструктуры одновременно в двух пространствах – городском и пригородном, а также сравнением обнаруженных элементов этой инфраструктуры в контексте интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество.

Полученные научные результаты исследования имеют и практическое значение в целях анализа и разработки миграционной политики как на региональном, так и в перспективе на федеральном уровне. Подтверждением этому служит факт представления автором комментариев и рекомендаций по предварительным результатам исследования на информационном брифинге, организованном мэрией г. Томска в ноябре 2019 г. с целью повышения уровня информированности городского сообщества в вопросах, касающихся межнациональных отношений на территории города. Участниками брифинга являлись представители городской администрации, управления министерства внутренних дел и федеральной службы безопасности Томска, а также национально-культурных автономий города. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в качестве экспертных заключений для разработки региональной миграционной политики, а также для создания интеграционных инструментов и механизмов некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность в сфере помощи иностранным гражданам.

Помимо этого, научные результаты, полученные в ходе анализа эмпирических данных, позволяют инкорпорировать результаты диссертационного исследования в учебные курсы, реализуемые при подготовке специалистов в области антропологии и этнологии на базе Томского государственного университета.

Положения, выносимые на защиту:

1) Анализ теоретических подходов, выбранных автором диссертационного исследования по отношению к избранному научному предмету, показал, что транснациональный характер современной трудовой миграции в значительной мере влияет на социально-экономические интеграционные стратегии и практики приезжих. Трудовые мигранты не настроены на долгосрочное пребывание на территории одного города или одной страны. Их видение будущего чаще связано с переездом на новое место жительства/работы или с возвращением на родину, что обусловлено целями миграции: заработать на строительство дома, свадьбу, машину, образование и т.п. После накопления капитала и достижения цели трудовой мигрант вновь переезжает. Такой характер миграции обуславливает

особенный характер практик включения приезжего в российское общество – все видится временным, а не постоянным.

2) Появление в начале 2000-х гг. в Томске трудовых мигрантов из Центральной Азии повлекло за собой формирование общественных представлений о наличии «мигрантских» мест которые маркировались как таковые местными жителями и/или самими мигрантами, но на практике являлись местами взаимодействия между разными группами горожан, включая как местное, так и пришлое население.

3) В местах проживания – вернакулярных районах или административных микрорайонах – мигранты используют в основном инфраструктуру «шаговой доступности», которая выполняет роль ключевых точек организации повседневной мобильности (маршрутов «дом-работа» и «работа-дом»), но не является основой для структурирования вне рабочего времени и маршрутов.

4) В досуговое время большинство мигрантов используют городскую инфраструктуру преимущественно вне района расселения. К этой группе относятся все элементы городской инфраструктуры, которыми пользуются мигранты в повседневной жизни наравне с местным населением (рынки, магазины, кафе, парикмахерские, больницы, салоны красоты, детские сады, школы и т.д.). При этом использование мигрантами городской инфраструктуры не является основанием для ее маркирования как «мигрантской».

5) Мигранты в Томске и пригородах не создают самостоятельную инфраструктуру, существующую параллельно иной городской, социальной, торговой, рекреационной инфраструктуре. Не возникло и устойчивых локальностей компактного проживания мигрантов, связанных с анклавизацией отдельных городских районов. В большинстве случаев элементы городской инфраструктуры, которые описываются в качестве «мигрантских», являются объектами, совместно создаваемыми и совместно используемыми и горожанами, и мигрантами. Это позволяет утверждать, что этнически однородных мигрантских анклавов в Томске на данный момент не существует.

6) В сфере предпринимательской активности мигрантов категории *этничность* и *мигрантскость* используются в зависимости от ситуации, но

прежде всего их социальные связи организуются за счет взаимодействия с теми, с кем легко, кому доверяешь, с кем пересекаешься в пространстве (социальное окружение). Этничность не является основой коммуникации мигрантов в эмиграции, что говорит о необоснованности использования теоретической рамки «этнического предпринимательства» для описания мигрантского бизнеса в сибирском городе. Этничность, так же, как и мигрантскость, выступает только одной из многочисленных характеристик социальных связей бизнесменов, основанных на: а) легкости (простоте, беспроблемности), б) рациональности (выгоде), в) доверии, г) давлении извне (вытеснении), д) социальном пространстве. Модель, построенная на приведенных факторах, организующих связи мигрантов, подразумевает, что существуют различные социальные сети в бизнесе, включающие в том числе местных жителей.

Достоверность результатов, полученных в процессе исследования, определяется широким кругом и репрезентативностью источников. Автором корректно применены общенаучные и социально-антропологические методы исследования. Соблюдены принципы историзма, системности, методологического синтеза, научной достоверности и объективности.

Основные положения диссертации были **апробированы** в 10 докладах на научных конференциях международного и всероссийского уровня.

Структура работы определяется поставленной целью, задачами и логикой подачи материала. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка и приложений, содержащих описание использованной автором эмпирической базы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность проведенного исследования, его новизна и научная значимость; характеризуется степень разработанности темы, методологические основы и источниковая база работы; формулируется ее объект, предмет, цели и задачи; подтверждается апробация диссертационной работы и приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Концептуальные и методологические рамки исследования» проведен анализ теории транснационализма и теории интеграции, доказана их применимость и теоретическая значимость в рамках диссертационного исследования. Выделены основные методы и инструменты исследования, обозначена их необходимость при проведении антропологического исследования. Описаны сложности «входа» и «выхода» из «мигрантского» поля.

В первом разделе дан обзор «эволюции» теории транснационализма и представлено исследовательское видение теории интеграции для проведенного исследования. На основе этого обозначен концептуальный «коридор», позволяющий анализировать эмпирический материал, собранный в ходе полевой работы по изучению городской и пригородной инфраструктуры, создаваемой и/или используемой мигрантами.

Во втором разделе выделяются особенности методов и инструментов исследования, релевантных по отношению к выделенному автором диссертации предмету исследования. Обозначена связь между транснациональным подходом и пулом социально-антропологических и социологических методов, используемых в исследовании.

В третьем разделе на примере авторских полевых кейсов описаны особенности этнографической работы в «мигрантском» поле. Даны рекомендации по антропологической работе с уязвимыми сообществами на примере трудовых мигрантов из Центральной Азии в Томске.

Вторая глава «Социально-экономическая интеграция мигрантов в городское и пригородное пространство Томска» посвящена исследованию и насыщенному описанию выявленных социально-экономических интеграционных практик трудовых мигрантов в сибирском городе и его пригороде.

В первом разделе автором диссертации создается исторический контекст постсоветской миграционной ситуации в России и в Томской области, характерный для периода с 1991 по 2020 гг. Демонстрируются сменяющие друг друга векторы миграционной политики под воздействием генезиса и переориентации миграционных потоков в Россию. Определяется миграционная специфика Томска,

рассматривается генезис «мигрантской» инфраструктуры в пределах выделенных территориальных рамок исследования.

Во **втором** разделе обосновывается использование анкетного опроса в качестве «пилотного», «разведывательного» инструмента, предшествующего полевой работе. Представляются краткие результаты анкетирования трудовых мигрантов, демонстрируется связь собранных количественных данных с качественными данными. Создается контекст томского «мигрантского» поля. Обозначаются основные инфраструктурные точки города и пригорода, создаваемые и/или используемые мигрантами.

В **третьем** разделе анализируются конкретные кейсы – элементы «мигрантской» инфраструктуры, связанные с практиками социально-экономической интеграции трудовых мигрантов из Центральной Азии. Определяется роль социальных сетей в среде мигрантов, как одного из основных элементов и маркеров социально-экономической интеграции в принимающее общество.

В **четвертом** разделе описывается пригородная инфраструктура, создаваемая и/или используемая мигрантами. Выделяются и анализируются особые практики взаимодействия мигрантов с пригородной средой, характеризуются выявленные модели социально-экономической интеграции в рамках освоения городской среды мигрантами.

В **заключении** подводятся итоги работы. Модель расселения иностранных рабочих из Центральной Азии в Томске и его пригородах дисперсная, концентрированное проживание мигрантов в пределах какого-либо из районов или микрорайонов не прослеживается. Это укладывается в объяснительную рамку транснационализма и гетеролокализма. Использование транснационального подхода позволяет утверждать, что конечной точки в маршруте мигранта не бывает, а сама миграция всегда многовекторная. Данный тезис прямо противоречит самой мысли о возможной перспективе анклавизации и геттоизации российских городов и их пригородов. Гетеролокализм явился логичным следствием миграционных трансформаций, с которыми столкнулся мир с наступлением эпохи глобализации. Доминировавшая ранее ассимиляционная теория утратила свою актуальность, а

вслед за ней и мысль об этнически однородной пространственной модели расселения мигрантов в городе. К тому же, так называемые «цифровые помощники» (интернет, мобильная связь, телевидение, смартфоны и другие гаджеты) дали людям возможность быть в контексте своего этнического сообщества, но не прямо, а опосредованно. Основными принципами выбора жилья в миграции для приезжих из Центральной Азии являются схожие со всеми современными горожанами принципы: 1) близость к месту работы; 2) доступность социальной инфраструктуры для детей и самих мигрантов (детские сады, школы, медицинские учреждения); 3) экономическая доступность аренды или покупки жилья.

Отсутствие этнически концентрированных районов по отношению к мигрантам в Томске определяет и социально-экономические интеграционные практики приезжих в контексте взаимодействия с городской или районной инфраструктурой. Мигранты наравне с «местными» посещают те же, находящиеся неподалеку от дома, магазины, больницы, парикмахерские, что и томичи. Это в основном инфраструктура эконом-класса. Такая инфраструктура выполняет роль ключевых точек организации повседневной мобильности (маршрутов «дом-работа» и «работа-дом»), но не является основой для структурирования вне рабочего времени и маршрутов. Не является она и дискриминирующим признаком по отношению к мигрантам, поскольку коренные жители Томска используют указанную инфраструктуру наряду с мигрантами.

Городские и пригородные инфраструктурные объекты, маркирующиеся местными жителями как «мигрантские», таковыми не являются. В большинстве случаев это то, что совместно создается и совместно используется горожанами и мигрантами. Наиболее выраженным примером являются объекты обслуживания, связанные с присутствием мигрантов: заведения общепита, открытые и закрытые рынки, предприятия мелкорозничной торговли, автомастерские и др. Все они создаются мигрантами при участии горожан и ориентированы преимущественно на местных жителей. Закрытые локальности и объекты инфраструктуры, создаваемых мигрантами и для мигрантов, отсутствуют. Более того, свидетельства об их существовании в поле автором диссертации обнаружены не были. В свою

очередь это позволяет предполагать отсутствие очевидных признаков пространственной сегрегации города по признаку «горожане/мигранты».

Одновременно важным результатом предпринятого в диссертации анализа выбранных кейсов является обнаружение значимости «мигрантских» сетей (земляческих, родственных и т.д.). Ситуативные социально-экономические интеграционные практики во многом сопряжены с данными сетями. Как правило, в условиях современной миграции приезжие оказываются в Томске благодаря своим землякам или родственникам, которые имеют в стране приема определенный социальный капитал. В этой связи само место миграции зачастую определяется не последующей экономической выгодой, а присутствием в нем знакомых людей. Длительность пребывания трудового мигранта и сопутствующие социально-экономические интеграционные практики (например, поиск работы или жилья, формы соседства) также обусловлены формированием (скорым или медленным) и также наличием (широким или узким) социальных сетей, «мигрантских» сетей. Помимо этого, «мигрантские» сети выступают в роли своеобразного инструмента для мигрантов-хедхантеров, особенно в сфере обслуживания. Как было показано на примере сети кафе «Ош», социальные сети приезжих являются важным каналом привлечения новых сотрудников (ситуация с жильем весьма схожа).

Этничность в пределах социальных сетей мигрантов не играет значимой роли. «Этнический» бизнес в прямом смысле таковым не является, т.к. в условиях организации предпринимательской деятельности все основано на социальных связях, социальном окружении. Этничность, так же, как и мигрантскость, выступает только одной из многочисленных характеристик социальных связей бизнесменов, основанных на 1) легкости (простоте, беспроблемности), 2) рациональности (выгоде), 3) доверии, 4) давлении извне (вытеснении), 5) социальном пространстве (социально и экономически выгодном окружении мигрантов).

Практики взаимодействия с пригородной инфраструктурой в контексте социально-экономической интеграции трудовых мигрантов весьма схожи с городской инфраструктурой. В данном исследовании это обусловлено тем, что в качестве основных пригородных локальностей выбраны не классические (в

академическом смысле) пригородные зоны, а, скорее, разрастающаяся городская периферия. Однако особенность муниципальной политики в области городской застройки формально позволяет называть выбранные территории в качестве пригородных.

В томских пригородах прослеживаются четыре основных модели социально-экономического взаимодействия трудовых мигрантов с окружающей их средой. Для первой модели свойственен сюжет, связанный с переездом самого мигранта в пригород и обретением нового социального статуса – «пригородчанина». Переезд обусловлен, прежде всего, экономической рациональностью, связанной с арендой низкого по стоимости жилья. При этом трудовая деятельность осуществляется приезжим в городе. В таком случае он становится полноправным типичным пригородчанином Томска, наравне со всеми использующим инфраструктура разрастающейся городской периферии.

Вторая модель, вновь связана с переездом трудовых мигрантов в пригород, однако, и место работы в этом случае также будет находиться в рамках пригородной зоны. Таким образом, основная причина переезда в пригород уже не связана сугубо с экономической рациональностью, в дело вмешивается близость к работе. Кейс с управляющей компанией, описанный автором выше, дает право говорить нам о появлении в рамках данной модели особого взаимодействия трудовых мигрантов с одной из категорий пригородчан – пенсионеров. Социальная интеграция приезжих усиливается посредством прямых взаимодействий с «местными».

Третья модель связана с деятельностью трудовых мигрантов на строительных площадках до сих пор расстраивающихся пригородных территорий. Эта модель рождает весьма «упрощенные» практики взаимодействия с пригородной инфраструктурой – приезжие чаще проживают на территории строек, в квартирах, где осуществляют строительные работы, в хостелах города, которые предоставляет работодатель. Взаимодействие как с горожанами, так и с пригородчанами в таком случае минимально. Такой миграционный сценарий обозначается как сценарий гастарбайтера. Главная цель мигранта – заработок. Его социальные сети слабы, утилитарны. Гастарбайтер не совершает попыток

активного включения в принимающее общество, городское пространство в силу отсутствия времени на досуговые практики им почти не осваивается. Миграция видится конечным процессом (*заработал на что-то для покупки на родине и уехал домой*), отсюда слабость социально-экономических (и культурных) интеграционных практик.

В рамках четвертой модели мигрант-горожанин отправляется на работу в пригород, если является обладателем рабочего места на этой территории. Чаще мигранты-продавцы в пригородах сами являются организаторами этого бизнеса или приближенными к организатору членами земляческих или родственных социальных сетей. Стратегия мигранта-бизнесмена часто сводится к расширению своего бизнеса в пределах выбранного им для ведения «своего» дела пригорода. Такая модель взаимодействия подразумевает расширение информационных потоков в русле гирцевского базара в Марокко. Поэтому мигрант-бизнесмен постоянно пытается наладить взаимоотношения со своими клиентами, т.к. через них можно выведать ценную информацию, позволяющую в будущем расширить степень экономического влияния в пригороде.

Рассмотренная в диссертации тема имеет большой потенциал для последующей разработки. Предметом дальнейшего анализа может послужить: влияние пандемии COVID-19 и внешнеполитических кризисов России на создание и/или использование трудовыми мигрантами из Центральной Азии городской инфраструктуры в сибирском городе; создание и использование трудовыми мигрантами инфраструктуры в городах Дальнего Востока. Заслуживает специального исследования расширение карты «мигрантской» инфраструктуры в городах России, а также возможная смена фокуса с социально-экономической интеграции на культурную и т.д.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Садырин А.А.** «Студенческая посылка» как актант в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании сообщества // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5 (37). – С. 134–137.
2. **Садырин А.А.** Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 2 (40). – С. 127–131.
3. Брызгина Д. Е. Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг / Д. Е. Брызгина, С. Д. Джанызакова, И. В. Нам [и др.] // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 31–52.
4. **Садырин А. А.** Формы жилья и соседства трудовых мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска и Иркутска) // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 182–194.
5. **Садырин А.А.** От «дома» к «мигрантскому дому»: развитие категории жилища в социокультурной антропологии // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2022. – № 76. – С. 151–156.
Статьи в прочих научных изданиях:
6. **Садырин А.А.** Спорт в среде мигрантов из Средней Азии (случай Томска) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России : сборник материалов, 2-6 июля 2019 г., Казань. – М. ; Казань, 2019. – С. 473–474.
7. **Садырин А.А.** Размышления о точке невозврата: включенное наблюдение как "антиметод" в исследовании мигрантского сообщества // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 183-194.
8. **Садырин А.А.** Типы жилья и формы соседства мигрантов как средство организации трудовой карьеры (на примере Томска) // XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6-9 июля 2021 г. : сборник материалов. Москва : Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. – С. 72.